

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-4-769-785

EDN: EWWSMA

Научная статья / Research article

Историософский диалог Азии и Африки в мифопоэтике Олжаса Сулейменова

Н.А. Маничкин

Французский институт исследований Центральной Азии, Бишкек, Кыргызская Республика

✉ nes.pilawa@gmail.ru

Аннотация. Исследование посвящено двум важнейшим историко-культурным сюжетно-тематическим линиям в литературном творчестве и публичной интеллектуальной активности известного писателя, исследователя и общественного деятеля Олжаса Сулейменова — Африке и Азии. Автором проведен анализ текстов О. Сулейменова и обнаружены основные характерные образы, связанные с Африкой как истоком и прародиной всей человеческой культуры и с Азией как с пространством транскультурных встреч и бурной исторической динамики. Главным вопросом является сущность и характерные методологические подходы историософии Сулейменова. Таковые оказываются укорененными в мифопоэтике, позволяющей писателю обращаться к глубинам созидающего культуру человеческого существа и глобальным процессам взаимозависимости. Автор вписывает идеи Сулейменова в этнографию и мифологию африканского и азиатского континентов и помещает их в широкий гуманитарно-философский контекст, что позволяет обнаружить, с одной стороны, историческую и социальную глубину в творчестве казахстанского мастера, а с другой — новые связи и свидетельства культурного обмена.

Ключевые слова: Африка, Азия, Казахстан, Олжас Сулейменов, литература, мифопоэтика, поэзия, историософия, глобальная история, культурный обмен

История статьи: поступила в редакцию 10.08.2025; принята к печати 10.10.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан ИРН: AP23488969 «Обретение исторической субъектности и преодоление культурных травм в исторических нарративах творческой интеллигенции Казахстана (1951–1991 гг.)».

Для цитирования: Маничкин Н.А. Историософский диалог Азии и Африки в мифопоэтике Олжаса Сулейменова // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 4. С. 769–785. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-769-785>

© Маничкин Н.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Historiosophical Dialogue Between Asia and Africa in the Mythopoetics of Olzhas Suleimenov

Nestor A. Manichkin^{ID}

French Institute for Central Asian Studies (IFEAC), *Bishkek, Kyrgyz Republic*

✉ nes.pilawa@gmail.ru

Abstract. This study examines two of the most significant historical and cultural thematic lines in the literary work and public intellectual activity of the Kazakh writer, scholar, and public figure Olzhas Suleimenov — Africa and Asia. Through an analysis of Suleimenov’s texts, the author identifies key characteristic images: Africa as the origin and cradle of all human culture, and Asia as a space of transcultural encounters and turbulent historical dynamics. The central question of the research concerns the nature and methodological foundations of Suleimenov’s historiosophy. His approach is shown to be rooted in mythopoetics, which allows the writer to engage both with the depths of the creative human being and with global processes of interdependence. The author situates Suleimenov’s ideas within the ethnography and mythology of the African and Asian continents and places them in a broader humanistic and philosophical context. This approach reveals both the historical and social depth of Suleimenov’s work and new connections and evidence of cultural exchange.

Key words: Africa, Asia, Kazakhstan, Olzhas Suleimenov, literature, mythopoetics, poetry, historiosophy, global history, cultural exchange

Article history: received 10.08.2025; accepted 10.10.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

Funding. This article was prepared within the framework of the grant funded by the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, IRN: AP23488969, “Attaining Historical Subjectivity and Overcoming Cultural Traumas in the Historical Narratives of Kazakhstan’s Creative Intelligentsia (1951–1991).”

For citation: Manichkin, N.A. 2025. “The Historiosophical Dialogue between Asia and Africa in the Mythopoetics of Olzhas Suleimenov.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (4), 769–785. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-769-785>

Введение

Взаимозависимость и взаимосвязанность сущего, будь это политические процессы, история письменности или становление человека на фоне взаимодействия множества культур и сообществ, — это один из базовых посылов в творчестве Олжаса Сулейменова, известного казахского писателя, еще в XX в. причисленного к классикам современности, поэта, который в своей работе сочетает художественную литературу и публицистику, поэзию и прозу, общественный активизм и дипломатию. Олжас Сулейменов, кроме прочего, ведет исследования в области глобальной истории языков, символов и символических систем, и хотя его нельзя назвать академическим исследователем в строгом смысле слова, его открытия, выводы и подходы вот уже более полувека оказывают влияние как на ученых-гуманитариев, в особенности из литературоведческой, исторической и культурологической среды, так и непосредственно широкий круг читателей. Начиная с момента публикации труда Сулейменова

«Аз и Я. Книга благонамеренного читателя» в 1975 г., где он предложил полилингвальный и транслингвальный подход к прочтению знаменитого памятника древнерусской литературы «Слово о полку Игореве», в те времена подход для кабинетной славистики и тюркологии если не революционный, то подрывной, и вплоть до наших дней Сулейменов остается одним из наиболее читаемых в Центральной Азии и во всем русскоязычном пространстве бывшего СССР авторов, которые касаются социально чувствительных и исторически важных тем. Настоящая статья преследует своей целью выявить и проанализировать одну из основных тем и интенций в творчестве Олжаса Сулейменова, а именно — осознание глобальных связей, общности судеб людей и обществ, языков и культур, человечества и природы. Сделать это предполагается на примере двух определяющих его творчество линий — главной линии, связанной с историей и культурами Азии, и весьма значимой линии Африки. При этом непосредственно тексты Сулейменова должны быть вписаны в широкую трансдисциплинарную перспективу с параллелями из независимых и новых источников, что позволит сохранить диалогичность и обнаружить новые связи.

Теме взаимообусловленности посвящено множество работ разного времени, из века в век она по-разному звучит в различных теориях, гипотезах и методологиях. Сулейменов подходит к этой теме как гуманист, но гуманист далеко за пределами антропоцентризма и антропоморфизма. Человек и язык, с его точки зрения, представляют собой единый бытийный феномен, неотрывно интегрированный в драму существования, которая раскрывает себя в соцветии культур и исторических достижений. При этом человек остается тайной, загадочным иероглифом, прочитывающим самое себя в каждую историческую эпоху с новым смыслом: «Мы всякий раз заблуждались, когда нам казалось, будто мы прочли его» [1. С. 205]. Примечательно, что такой взгляд на человека и историю можно обнаружить еще в донаучных концепциях, в толще мифа и мифопоэзии, а именно эти сферы обычно становятся главными исследовательскими объектами казахского писателя. Здесь уместно вспомнить существующую в культурах банту этнометафизическую и историософскую идею узла, или *zita*, описываемую литературоведом Донато Фунсу как перекресток (выбор пути), искусство переноса (метафоры) или диалог вещей, порождающий новые формы. Транскультурность или гибридность этих форм, а также сама их историческая динамика объясняется тем, что в процессе образования узла феномены смыкаются (на киконго: *куканга*) или размыкаются (на киконго: *кукутула*) друг с другом [2. С. 2]. Думается, эта оптика будет не только оптимальной для того, чтобы описать мифопоэтическую историософию Олжаса Сулейменова с методологической точки зрения, но также уместной в том смысле, что сам он постоянно указывает на глобальные исторические связи Азии и Африки, континентов, подаривших человечеству первые мифы и древнейшие символические системы.

Следует также отметить, что тема глобальных связей стала одной из центральных в гуманитарных исследованиях во второй половине прошлого века, когда после двух опустошающих мировых войн человечество, казалось, стало обращать свое внимание больше на то, что нас всех объединяет, а не на то, что разъединяет. Во второй половине XX в., в том числе благодаря развитию семиотики и кибернетики, человек-иероглиф отчетливо предстал в качестве информационного феномена, в виде элемента необъятной сети значений. На смену структуралистской дихотомии «природа — культура» пришли новые понятия, такие как экосистема, экосфера, экосемиосфера, а социум был описан в контексте коммуникации и информационных процессов. Сеть, где «все связано со всем» [3], стала важнейшей социологической метафорой. Позднее эти идеи получили развитие и оформились в акторно-сетевую теорию Бруно Латура, одну из наиболее влиятельных интеллектуальных школ, сосредоточенную на том, чтобы вернуть социальным наукам способность проследивать связи в «жизни сообща» [4]. Анализируя экологические кризисы и коллективные травмы современности, Латур предложил отказаться от устаревшей модели «великого разделения» — жёсткой дихотомии между культурно-технологическим и природно-негуманным. Поскольку все элементы мира взаимосвязаны, ключевым становится признание этой взаимозависимости как условия для продуктивного и необходимого переосмысления прошлого и будущего. Его открытия подвергли критическому пересмотру особый статус науки, показав, что её функционирование ничем принципиально не отличается от других социальных процессов. На первый план выходит идея симметричного участия как человеческих, так и нечеловеческих акторов в производстве того, что мы традиционно обозначаем как природу, общество, структуру, истину, заблуждение или субъективность. В этом контексте животные, обладающие собственными сигнальными и знаковыми системами, и небесные тела, несущие свет и вдохновение, рассматриваются как полноправные агенты знания — активные участники культурных, коммуникативных и исторических процессов. Излишне говорить об острейшей актуальности такого подхода сейчас — в эпоху глобальных военно-политических и экологических кризисов. Именно этот подход, вне связи с Латуром и другими его теоретиками, лежит в основе историософии Олжаса Сулейменова. Для того чтобы почерпнуть из нее позитивные и полезные знания, мы должны ответить на вопрос о природе и структуре глобальных связей, как они видятся казахскому писателю.

Результаты и обсуждение

Формирование историко-философского мышления О. Сулейменова уходит корнями в поэтическое мироощущение. Он описывает ключевой момент своего интеллектуального прозрения, произошедший во время пребывания в составе советской делегации в Кении в 1971 г.: ранним утром, наблюдая

тонкий серп луны, лежащий «на спине», — так, как он виден в экваториальных широтах, — поэт осознал его первозданный символизм. «И я представил, какое впечатление такая луна могла производить на начальное человечество. С каким предметом или существом на земле можно было сравнить это явление? Только с рогами буйвола!» — вспоминал Сулейменов [1. С. 115]. Это образное озарение стало для него основанием гипотезы о том, что именно луна, сопоставленная с рогами быка, а не солнце, была первым объектом обожествления у древнего человека в Африке; в то время как культ солнца, изнурительно агрессивного в этих широтах, сформировался значительно позже.

Такое небесное откровение наводит на параллели с философской традицией, в частности с гераклитовским представлением о начале мышления как внезапном просветлении, подобном удару молнии, «управляющей всем сущим», которая в одночасье выявляет и темноту, и освещённость, раскрывая единство и соразмерность мироздания [5]. В этом же контексте вспоминаются и размышления М. Хайдеггера над стихами Фридриха Гёльдерлина, где звёзды трактуются как поэтические сверстники человека, а поэт — как посредник между древностью и современностью, носитель онтологического света, явленного впервые в мифе, а затем — в философии и языке. Именно язык, по мысли Хайдеггера, есть «дом бытия», хранителями которого выступают поэты [6]. Следовательно, если человек действительно «поэтически обитает на земле», как утверждал Гёльдерлин, то именно поэтам и философам — а не сугубо академическим специалистам — под силу выявлять и артикулировать универсальные смыслы, придающие глубину человеческому существованию. Эта мысль резонирует с оценкой постколониального теоретика М. Глостановой, согласно которой поэтическая природа Сулейменова обеспечила ему «способность видеть и чувствовать больше, чем это доступно большинству учёных с их приземлённым позитивистским мышлением»¹.

Связь Луны и Солнца с древними космогоническими мифами Африки, участие этих светил в творении мира и человека прослеживается в дошедших до наших дней традиционных знаниях, обрядах и сакральном символизме. В качестве примера можно привести миф народа фон, сотворившего цивилизацию Дагомеи, а ныне преимущественно населяющего Республику Бенин. Этот миф, восходящий, вероятно, к древней мифологии йоруба [7], гласит о начале вселенской истории из творческого акта андрогинного демиурга Маву-Лиса, соотносящегося частями своего космического естества с Луной и Солнцем [8]. Все мы знаем из школьных учебников, что Африка является прародиной человека, и все же мировая история культуры и цивилизации все еще находится в плену европоцентричной парадигмы, отказывающей этому

¹ Глостанова М. Главной его мишенью был европоцентризм // Московский книжный журнал. 2012. URL: <https://morebook.ru/tema/segodnja/item/1346433186554> (дата обращения: 16.07.2025).

континенту в наиболее существенных достижениях социального и культурного развития. В качестве исключения, обусловленного благоприятными природными возможностями, рассматривается только Древний Египет. Сулейменов «реабilitирует» субсахарскую Африку, обнаруживая в ней первые знаки, истоки букв и цифр. На сегодняшний день накопленный корпус научных данных позволяет уверенно говорить о том, что истоки ранних форм числовой записи и систем исчисления берут своё начало на африканском континенте, предшествуя ближневосточным разработкам как по хронологии, так и по признакам структурной организации. Речь идёт не только об изолированных артефактах, но и о существовании в Африке древнейших культурных центров, в которых развивались подобные практики [9]. Особое внимание исследователей привлекает так называемая кость Лебомбо — малоберцовая кость павиана с регулярными зарубками, обнаруженная в одноимённых горах на границе современной Южной Африки и Эсватини. Некоторые интерпретации допускают, что данный предмет служил инструментом учёта лунных циклов, вероятно, соотнесённых с женской менструацией. Если это предположение верно, то первые формы математической систематизации могли возникнуть в контексте женского телесного опыта, а следовательно, праматематиками выступали древние африканки [10].

Здесь интересна связь лунных культов и протоматематических знаний с концепцией Олжаса Сулейменова о первом иероглифе, появившемся в Африке из образа рогов быка, символически отражающих видимое в экваториальных широтах положение полумесяца. Очевидно, данная интуиция писателя в ее широком значении может получить подтверждение или развитие в ходе дальнейших исследований, хотя ее отдельные, выдержанные в духе климатического детерминизма выводы, такие как отсутствие древнего культа солнца в «горячей» Тропической Африке, представляются слишком категорическими и скоропалительными. Они не соответствуют практикам поклонения Олоруну у народа *йоруба*, Сегбо-Лисса у *фон*, Ликубе/Ливелело у *ньямвези* и т.д. Географический и климатический детерминизм в целом отвергнут современной исторической наукой и антропологией. При этом следует отметить, что лунное озарение Сулейменова соответствует мифологическому материалу народов Западной Африки в том смысле, что культ Луны действительно связывается с более древними практиками и легендарной эпохой матриархата. Так, солярный Лисса, или Сегбо-Лисса, является *водуном* (божеством) Творения, отцом и предком всех остальных существ, но находится, тем не менее, на вторичной хронологической позиции после лунного божества Маву. Сегбо-Лисса, согласно некоторым версиям, пришел в культуру *фон* от *йоруба*, из очага древнего культа *оришей*, священного города Иле-Ифе, и вероятно, является инвариацией божества Обатала. Если Лисса олицетворяет Солнце, труд, социальный порядок и небесный свод, то Маву связана с доисторической

бездной, древностью, живыми витальными энергиями, свежестью и удовольствиями жизни. Интересно, что Сегбо-Лисса послал на помощь первым людям хамелеона, ставшего со временем одним из религиозных символов традиции вуду и изображаемого в современных храмах Бенина как ящерица с золотым шаром Солнца во рту — символ, который в духе сулейменовской эстетики связывает «иероглифическое» тело животного с речью и астрономией.

Современные африканские исследования, равно как и историософские подходы Олжаса Сулейменова, акцентируют участие нечеловеческих агентов, таких как природные среды и светила, в развитии человеческой истории и культуры. Эта линия является одной из самых актуальных в постструктуралистских изысканиях. Академическое письмо, даже наиболее литературное антропологическое письмо, не всегда справляется с такими целями, в то время как имеющая синтетическую силу поэзия – словно создана для них. В «Африканских ритмах» Сулейменова небесные сила, пространственная геометрия и эрос образуют тугой этнографический узел, где сакральное завязано и переплетено с бытовым:

*В этой деревне конусом хижины,
туго на бедрах солнце расстелено,
вон крокодилы смотря обиженно.
Слушай — поэты хохочут растерянно².*

В древнем вудуистском мифе звезды были детьми Луны и Солнца – Маву и Лисса. Они же, «поэтические сверстники» и собеседники сказителей, проступают каплями пота на напряженном теле человека-иероглифа, ставшего макрокосмосом афроамериканца из Нового Света:

*Вышел из зала;
небо как негр,
звезды как пот на щеках барабанищика,
градусов семьдесят по Фаренгейту,
парни, похожие на карманчиков,
пьяные,
с тусклыми лицами гениев,
в бары заносят плотные тени.
Бары в подвалах, как бомбоубежище³.*

Знак, будь это слово или цифра, генетически связанный с астрономией и мифологией, для Олжаса Сулейменова является одновременно методом, субстанцией и концепцией. Оспаривая принятые догмы мировой лингвистики,

² Сулейменов О. О. Избранное. Москва : Художественная литература, 1986. С. 134.

³ Там же.

и особенно тюркологии, он пересматривает бытующие или, лучше сказать, довлеющие исторические образы Африки и Азии. Он отрицает утверждение о том, что евразийские кочевники были не способны создать собственную систему письма и якобы переняли алфавит у согдийских купцов. Сулейменов обращает внимание на присутствие в тюркской рунической письменности знаков, происхождение которых невозможно отнести к V в. и тем более к согдийскому письму, берущему начало в арамейской традиции. По его мнению, некоторые иероглифические символы, воспроизводящие образы небесных тел, свидетельствуют о значительно более глубоком хронологическом корне тюркской письменности [1. С. 142–143]. Хотя гипотеза о заимствовании тюркской письменности остается в научном сообществе преобладающей, отдельные исследователи выражают сомнение в её абсолютности, обращая внимание на элементы описательно-изобразительного характера и знаки, обладающие ассоциативно-мнемоническими функциями, которые могли бы лечь в основу ранних логограмм [11]. По крайней мере, нельзя исключать возможность того, что наряду с согдийскими элементами в тюркской графике присутствуют также автохтонные символы, восходящие к доалфавитным, геометрическим и астрономическим формам, несущим не только звездную символику, но и родовую, геомантическую или магическую нагрузку.

Тем временем в тюркологии, особенно в области древних систем письма, сохраняется целый ряд нерешённых вопросов: многие находки до сих пор лишены единой интерпретации. Так, таинственная таласская руническая палочка продолжает оставаться предметом споров — исследователи выдвинули более десятка вариантов прочтения, однако ни один из них не получил общего признания. Подобная ситуация складывается и вокруг иссыкской надписи, выгравированной на серебряной чаше из знаменитого захоронения «Золотого человека». Следует отметить, что первую попытку её дешифровки предпринял сам Сулейменов [12]. Его критика в адрес современной тюркологической науки может вызывать разные отклики, однако трудно не согласиться с тем, что определённая инерция и застой в исследованиях нередко обусловлены излишней догматичностью и чрезмерной фрагментарностью научных подходов. Многие специалисты с трудом принимают междисциплинарные и гибридные методы, ограничивая потенциал развития исследований. Бесспорно, развитие научного знания определяется не только эмпирическими наблюдениями и рациональным анализом, но также культурными установками, преобладающими в разных исторических контекстах.

Если в «Аз и Я» Олжас Сулейменов противостоял шовинистическим и европоцентристским академическим нарративам через призму «животворящего космоса», то в последующих работах — в том числе в новой книге «Я знаю!..» — он ещё ярче и смелее реализует идею «кочующего самопознания», в котором встреча с Другим становится формой узнавания себя. Его

подход принципиально отличается от банальной идеализации национального прошлого или патриархальных истоков. В противовес как замкнутому, конфликтогенному национализму, так и политически ангажированному евразийству имперского извода, Сулейменов предлагает образ мышления, ориентированный на транснациональные и транскультурные связи, на широкое и глобальное культурное сознание. Между тем антиимперскость необязательно должна основываться на этническом национализме. Более того, антиимперские интеллектуалы, творившие национальные литературы позднего СССР, зачастую были если не космополитами, то интернационалистами. Важность открытости к глобальному подчеркивается в знаменитой поэме О. Сулейменова «Земля, поклонись человеку!», строки из которой прозвучали в фильме, посвященном V Конференции писателей стран Азии и Африки:

*...Мир,
Земля,
Шар земной —
Сочетание слов,
Сочетанье народов.
Мечей
И судеб.
Сколько твёрдых копыт
Над тобой пронесло!
Все пустыни твои
Нас, безжалостных, судят [13. С. 213].*

В этой поэме, как и в других своих произведениях, писатель не стесняется критиковать человека как исторического актора в целом и родных, прославляемых им тюрков-кочевников, в частности. Олжас Сулейменов далек от плоского морализаторства, он пишет объемно, рисует сложностную и противоречивую судьбу человеческого рода — «железных карликов», топчущих Землю. Он восхищается достижениями культуры и цивилизации, но в то же время озабочен экологическим запустением, которое эти достижения провоцируют. Техника, политика и власть в творчестве Сулейменова — притягательные, однако опасные и неоднозначные материи. Внутри них, как и внутри беспокойного человеческого существа, он видит экзистенциальную драму, философское содержание которой вновь отсылает нас к Мартину Хайдеггеру, разглядевшему онтологические истоки ядерного оружия в Элладе и философии Парменида. У Сулейменова это историческое беспокойство, содержащее в себе как достоинство, так и риски человеческой истории, как ее великие достижения, так и ее кровавые деяния, красочно выражается через глобальную историю Великой Степи, смотревшей на мир «сквозь бойницы глаз».

Историософский диалог Африки и Азии и новые «рифмы мира» в мифопоэтике этих континентов продолжает образ древнего шамана Коркута, в

котором Олжас Сулейменов узнает египетского солярного бога Гора — Хор-ахте. В 1969 г. Олжас Сулейменов создал поэму «Глиняная книга». Она стала его ответом на официальный заказ властей — создать крупное поэтическое произведение к 100-летию со дня рождения Ленина. Вместо прямого прославления партийной линии поэт представил философское и многослойное произведение, которое впоследствии критики назовут «величайшей поэмой советской эпохи». Один из центральных образов — Коркут, выведенный под именем египетского божества Хор-ахте. В поэме он предстает как мудрый и древний судья, который, не раскрывая глаз, вершит справедливость и наполняет всё происходящее тревожным напряжением. Его молчаливое присутствие оказывает гипнотическое воздействие на участников сцены, вызывая у них глубокий страх:

*О, не встречайтесь с этим взглядом жутким,
сочившимся сквозь дебрь витых морщин,
так ночью на оленя смотрят джунгли, —
все видящий, незримый миру джин⁴.*

Когда Хор-ахте пробудился, чтобы произнести приговор, он запел — и пел, покачиваясь, но никто не мог его понять: речь его звучала на древне-египетском. В этом образе Сулейменов передаёт фигуру дремлющего (то есть ни живого, ни мёртвого) божества, уставшего от веков, которое остаётся молчаливым свидетелем истории. Это символ замкнутого движения времени, возвращения к началу, где таятся ответы на извечные вопросы бытия, природы и человека. Его можно назвать тем самым иероглифическим «узлом», где связываются и развязываются, скрываются и открываются движения истории. Постижение этих связей требует обращения к мифологии и философии древности.

Согласно широко известной в Казахстане легенде, Коркут, оседлав верблюдицу, отправляется к четырём краям света. В каждом он находит людей, выкапывающих яму, и на его вопрос те отвечают: это могила для него. Возвратившись к Сырдарье, он расстилает ковёр по воде и, сев на него, беспрерывно играет на кобызе, отгоняя смерть мелодией. Но когда он, изнурённый, засыпает, смерть, приняв форму водяной змеи, жалит его. Олжас Сулейменов, анализируя эту историю, усматривает в ней черты древнеегипетского мифа о заходящем солнце и ощущение неизбежности, порождённое приближением старости [1. С. 181]. В этом переосмыслении прослеживается чёткая символическая параллель: заход солнца соотносится со старостью Коркута, его борьба с горизонтом — с попыткой отогнать смерть, а водяная змея, укусившая его, — это египетский Апоп. Единственным новым элементом в

⁴ Сулейменов О. Глиняная книга. Алма-Ата : Жазушы, 1969. С. 170.

центральноазиатском варианте по сравнению с африканским мифом стал кобыз. Коркут почитается прародителем казахских *жырау* и шаманов *баксы* [14]; его нельзя отнести ни к живым, ни к мёртвым, ибо он — шаман, обитающий сразу в обоих мирах. Его странствия по четырём сторонам света символизируют поиск божественного начала, сокрытого в человеке, обнаружение небес в земной форме, а потому философ Ауэзхан Кодар интерпретирует эту легенду как экзистенциальную аллегория конечности человеческого существования [15. С. 121–131].

В интерпретации Сулейменова речь идёт не только о созвучиях имен или схожести сюжетов. Взаимодействие образов Коркыта и Гора раскрывает множество пластов — от космологических до символических — связывающих древние традиции Африки и Азии. Это соответствует ключевому понятию Сулейменова — идее глобальной взаимосвязанности, узловых структуры мира, проявляющейся в различных мифологических системах. В этом контексте можно вспомнить и сопоставить два, казалось бы, далеких друг от друга символических языка: складываемые из цветного песка тибетские мандалы и письменность *нсибиди*, которую использовало тайное общество Экпе (юг Нигерии, исторический район Калабар), вырезая на кусках расколотых пальмовых стволов.

В буддизме учение о взаимозависимом возникновении (*пратитья-самутпада*) объясняет соотношение между сознанием и бытием, где внешний мир — не просто фон для жизни, а её неотъемлемая часть [16; 17]. Это осмысление воплощается в сакральных формах — мандалах, в которых вселенная организована по четырём сторонам света, с центральной точкой в виде мировой горы и сакрального дворца. Через вложенные вдруг в друга квадраты и круги в них передаётся идея единства времени и пространства, сознания и феноменологической реальности. Несмотря на споры востоковедов о происхождении тибетских мандал (индо-буддийское или автохтонное), ясно одно: они воплощают древний универсальный архетип — символический чертёж мироздания, вписывающий человека в систему координат бытия. Похожее структуры можно обнаружить и в Тропической Африке. Возможно, в основе *нсибиди* и, безусловно, в основе знаковой системы *анафоруана*, используемой тайным афрокубинским братством Абакуа [18. С. 244–260], лежит все та же идея времени, представленного кругом, и пространства с его четырьмя направлениями. Пространственно-временной континуум явлен при этом сквозь «иероглиф-человека», или, иначе говоря, человек обнаруживает себя как присутствие бытия в сущем. Он и есть — узел истории, воплощенный логос или речь, выкатившаяся изо рта мифологического предка в образе божества, хранящего древний синтез зооморфного и космологического начал.

Олжас Сулейменов открывает формулу взаимозависимости в образах, начиная с древних петроглифов и заканчивая орнаментальными элементами

народного искусства, воспроизводящими знак круга и креста. Через эту символику он описывает время как сплетение линий, словно клубок параллелей и меридианов, намотанных на глобус [1. С. 110]. Это континуальность, круговое путешествие субъекта по внутренним и внешним орбитам, зашифрованное в едва ли переводимом обрядовом тюркском восклицании *айналайын* [19]. Мысль человека — в мифе, в знаке, в философии — это непрекращающийся диалог времен, в котором архаические символы вступают в контакт с современным мышлением, а эпохи и континенты обмениваются голосами. В шумерском «священном солнце», буддийских мандалах, письменности нсибиди и казахском орнаменте скрываются экзистенциальные вопросы: что есть человек; каково его бытие перед лицом смерти; как он включён в ткань мира? Эти «вопросы-связки», прошивающие судьбы народов и эпох, позволяют вновь осмыслить мифы — как древние, так и современные — и обнаружить в них подчас неочевидные, но от этого не менее прочные связи.

Заключение

Олжас Сулейменов работает с межсубъективными конструктами, возникающими на пересечении религиозного, культурного и языкового опыта, не занимая при этом позицию внешнего, нейтрального наблюдателя. Напротив, его научные и общественные инициативы — будь то публикации, лекции, интервью или исследовательские программы — несут в себе отчетливо выраженный идейный и гуманистический заряд. Показателен в этом отношении проект «Великие переселения народов», запущенный в 2008 г. и продолжающий свою деятельность в настоящее время. Проект акцентирует внимание на макроисторических миграциях человечества, стремясь подчеркнуть общность происхождения и единую природу человеческого рода. Эти цели соответствуют международной повестке ЮНЕСКО, в частности положениям Генеральной конференции об укреплении общей исторической памяти, расширении доступа к знаниям и поощрении диалога между культурами. Сулейменов при этом критикует современное состояние академического мира, отмечая несоответствие между ростом числа научных степеней и реальным приростом знания. Он утверждает, что приоритет в настоящее время отдается не гуманитарному мышлению, а технологиям, направленным на «оборону и нападение», что, по его мнению, приводит к цивилизационному тупику, за которым пока не просматриваются альтернативные пути развития.

Тюркология, история, литература, кинематограф — в его понимании это не изолированные области профессиональной деятельности, а взаимосвязанные модусы познания, которые невозможно отделить от актуальных вызовов безопасности, обозначившихся в XXI в. В этом контексте Сулейменов инициировал проведение IV Глобальных консультаций по сближению культур, прошедших в 2021 г. под эгидой темы «Формирование общего этоса:

к эпохе осознанной взаимозависимости». Конференция была посвящена поиску ценностных ориентиров в условиях нарастающей глобальной нестабильности, насилия и культурной фрагментации. Как напоминание о долговременной этической перспективе, участники вновь обратились к посланию ташкентской Конференции писателей стран Азии и Африки 1978 г.: «От веков колониальной зависимости, через период независимости — к эпохе осознанной взаимозависимости». Тогда была предложена концепция нации как полноправного собеседника в диалоге цивилизаций, а не как уединенного «странника», разобщенного с остальным миром.

Дополнительное развитие эта идея получила в рамках II Международной конференции в поддержку культуры знаний «От богатства разнообразия к посланию мира: поэтика знаний и толерантности в религиях мира». Здесь Сулейменов подчеркивает, что подлинная миссия религии — не раскалывать человечество по линиям конфликта, а способствовать его консолидации. В эпоху, когда религиозные дискурсы подвержены политической инструментализации, он призывает интеллектуалов к активной позиции: способствовать позитивной деконструкции интерпретаций, организовывать межконфессиональный и межнаучный диалог, способный соединить духовные традиции с современным критическим знанием и общественным действием. Азия и Африка занимают особое место как внутри его поэзии, так и в публицистике и публичной риторике. В трансгисторической мифопоэтике Олжаса Сулейменова Африка — это исток человечества, колыбель первых знаний, начало культурного импульса, а Азия — номадическое пространство, где человеческий субъект путешествует сквозь бескрайнюю открытость мира. Таковы главнейшие узлы его историософии. Человек-кочевник — это не только историческая фигура, это также конкретная личность, это и сам он — автор, поэт, мистагог, в котором неразрывное целое образуют современный интеллект, древняя тайна и исследовательское любопытство — равно как неразрывны и их маршруты:

*Кочую по чёрно-белому свету.
Мне дом двухэтажный построить советуют,
а я, как удастся какая оказия,
мотаюсь по Африкам, Франциям, Азиям.
В Нью-Йорке с дастанами выступаю,
в Алеппе арабам глаза открываю,
вернусь,
И в кармане опять — ни копья;
Копьё заведётся — опять на коня!⁵*

⁵ Сулейменов О. Айналайын // Everything. URL: <https://everything.kz/article/3046222-olzhassuleymenov-aynalayun> (дата обращения: 16.07.2025).

Эти строки отражают образ Африки как части большого культурного пространства, с которым поэт путешествует и взаимодействует: Африка упоминается как один из пунктов на жизненном и творческом пути, один из оборотов в духовном вращении *айналайын*. В её образе акцентирован исток, а в образе Азии — транскультурный опыт. Но оба континента, как, впрочем, и все континенты мира, есть части глобальной поэтики. И лишь поэтика может дать истории такой язык, который не просто безучастно или объективно повествует о ней, но оживляет и являет здесь и сейчас временное, обнаруживающее свою вечность, или частичное, понимаемое через тотальное. Это, разумеется, не что иное, как миф — древнейший, однако по-прежнему живой и необходимый язык человечества.

Этот мифопоэтический язык вовсе не оторван от актуальности, он не вынесен в эзотерические небеса, а, напротив, живёт и горит сквозь вызовы современности. Публицистика и общественные инициативы Олжаса Сулейменова — прямое продолжение его мифопоэтики и историсофии. Отсюда — всегда подчёркиваемое им политическое осмысление онтологической взаимозависимости, осознанное в том числе благодаря рефлексии о временах колониализма: «Нам всем надо разобраться в сегодняшних значениях терминов — зависимость и независимость. Опыт Африки, Азии и Латинской Америки показал, что независимость не может и не должна быть конечной целью национально-освободительных движений. Период независимости — лишь переходный этап к эпохе осознанной взаимозависимости⁶. Имперское мышление, равно как и порождаемые его натиском этнические национализмы, по глубокому убеждению Сулейменова, в равной степени являются нездоровыми и опасными формами коллективного эгоизма. Вместо них он предлагает глобальную, сложностную, транскультурную перспективу.

Интеллектуальный путь Олжаса Сулейменова характеризуется стремлением преодолеть агрессивные и навязанные нарративы, не разрушая при этом локальную субъектность, а, напротив, защищая её. В то же время его подход почти всегда основан на смешанных перспективах, гибридных формах знания и культурных пересечениях. Он воссоздаёт сложный, оспариваемый и, таким образом, динамичный континуум, существующий в постоянном политическом, философском, историческом, географическом, психологическом и социокультурном напряжении — это конголезский узел *zita* или центральноазиатская сфера *айналайын*, куда интегрируется прошлое, настоящее и будущее различных географий и космологий. Азия и Африка остаются для писателя важнейшими источниками — они предоставляют живую ткань историй,

⁶ Олжас Сулейменов: «Я хочу обратиться к своим коллегам в Ереване и Баку...» // Minval. URL: https://minval.az/news/123710997?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 16.07.2025).

образов и концептов, позволяющую мыслить вне рамок централизованных систем. Можно утверждать, что Сулейменов формирует альтернативный плюриверсум знания, отказываясь от универсалистских установок — как тех, что исходят от глобальных имперских центров, так и тех, что принимают форму локального фундаментализма, рождённого в ответ на это давление. Его геологическое образование не случайно проявляется и в его культурной философии: Сулейменов подчёркивает, что именно хрупкие монокристаллы наиболее уязвимы к разрушению, в то время как гранит, состоящий из множества разноугольных кристаллов, обладает высокой прочностью. Поликультурный, историософский диалог Азии и Африки в работах казахстанского мэтра — это и есть своего рода метафизическая геология, она же — литературная алхимия слова, она же — в высшей степени актуальная и прикладная политическая история, учащая людей плодотворному сосуществованию и культурному обмену, познавательной динамике вместо логики исключительности и самозаклещенности, порождающей насилие и конфликты.

Список литературы

1. Сулейменов О. К эпохе осознанной взаимозависимости: «...мы кочуем навстречу себе, узнаваясь в другом...» // Бильгамеш. 2022. № 8. С. 104–207.
2. *Fhunsu D.* The Kongo Rule: The Palo Monte Mayombe Wisdom Society. Chapel Hill : University of North Carolina at Chapel Hill Graduate School, 2017. <https://doi.org/10.17615/19j2-a212>
3. *Commoner B.* The Closing Circle. New York: Knopf, 1971. 326 p.
4. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с. ISBN: 978-5-7598-0819-0 EDN: SYZVMJ
5. Хайдеггер М., Финк Е. Гераклит. Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2010. 383 с.
6. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. Москва : Гнозис, 1993. 464 с. ISBN: 5-7333-0485-5 EDN: XGMRQZ
7. *Fatunmbi Fà'lokun.* Obatala: Ifa and the Spirit of the Chief of the White Cloth. New York : Original Publications, 1993.
8. *Vergier P.F.* Dieux d'Afrique: culte des Orishas et Vodouns à l'ancienne côte des esclaves en Afrique et à Bahia, la baie de tous les saints au Brésil. 3e éd. Paris : Arthaud, 1997.
9. *Brooks A.S., Smith C.C.* Ishango revisited: new age determinations and cultural interpretations // African Archaeological Review. 1987. Vol. 5. № 1. P. 65–78. <https://doi.org/10.1007/BF01117083> EDN: HFMCPС
10. *Beaumont P.B., Bednarik R.G.* Tracing the emergence of palaeoart in sub-Saharan Africa // Rock Art Research. 2013. Vol. 30. № 1. P. 33–54.
11. Аврутина А. С. Опыт реконструкции фонологии языка древнетюркских рунических памятников: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург : СПбГУ, 2015.
12. Сулейменов О. Серебряные письма Золотого воина // Техника — молодежи. 1971. № 7. С. 58–59.
13. Маничкин Н.А., Крупко И.В. Уроки V Конференции писателей стран Азии и Африки // Аудиовизуальные сюжеты социальной истории и культурной памяти казахстанского общества (конец XIX — начало XXI вв.) : коллективная монография / Т.Т. Далаева, Г.С. Султангалиева, Н.А. Маничкин и др. Алматы : Press Co, 2024. С. 201–239.
14. Турсунов Е.Д. Истоки тюркского фольклора. Қорқыт. Алматы : Дайк пресс, 2001. 167 с.

15. Кодар А. Степное знание : очерки по культурологии. Астана : Фолиант, 2002. 208 с.
16. Розенберг О.О. Проблемы буддийской философии // Розенберг О.О. Труды по буддизму. Москва : Наука, 1991. С. 6–17, 44–254.
17. Payutto P.A. *Dependent origination: the Buddhist law of conditionality*. Bangkok : Buddhadhamma Foundation, 1994. 135 p.
18. Thompson, R.F. *Flash of the Spirit: African & Afro-American Art & Philosophy*. New York : Vintage, 1984. 336 p.
19. Маничкин Н. Айналайын: деконструкция сакрального жертвоприношения в кыргызской культуре // BILGAMESH: International Almanac of Cultural and Social Studies. 2019. No. 1. P. 85–93.

References

1. Suleimenov, O. 2022. “Toward the Era of Conscious Interdependence: ‘...We are nomads heading toward ourselves, recognizing ourselves in the other...’” *Bilgamesh*, no. 8, pp. 104–207. (In Russ.)
2. Fhunsu, D. 2017. *The Kongo Rule: The Palo Monte Mayombe Wisdom Society*. Chapel Hill: University of North Carolina at Chapel Hill Graduate School. <https://doi.org/10.17615/19j2-a212>
3. Commoner, B. 1971. *The Closing Circle*. New York: Knopf.
4. Latour, B. 2014. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. 384 p. Publ. (In Russ.) ISBN: 978-5-7598-0819-0 EDN: SYZVMJ
5. Heidegger, M., and E. Fink. 2010. *Heraclitus*. St. Petersburg: Vladimir Dal. Publ. (In Russ.)
6. Heidegger, M. 1993. *Works and Reflections from Various Years*. Moscow: Gnosis Publ. (In Russ.) ISBN: 5-7333-0485-5 EDN: XGMQRZ
7. Fatunmbi, Fá’lokun. 1993. *Obatala: Ifa and the Spirit of the Chief of the White Cloth*. New York: Original Publications. Publ.
8. Verger, P.F. 1997. *Gods of Africa: Worship of the Orishas and Voduns on the Former Slave Coast in Africa and in Bahia, the Bay of All Saints in Brazil*. 3rd ed. Paris: Arthaud. Publ. (In Fr.)
9. Brooks, A.S., and C.C. Smith. 1987. “Ishango Revisited: New Age Determinations and Cultural Interpretations.” *African Archaeological Review*, vol. 5, no. 1, pp. 65–78. <https://doi.org/10.1007/BF01117083> EDN: HFMCPD
10. Beaumont, P.B., and R.G. Bednarik. 2013. “Tracing the Emergence of Palaeoart in Sub-Saharan Africa.” *Rock Art Research*, vol. 30, no. 1, pp. 33–54.
11. Avrutina, A.S. 2015. *Reconstruction of the Phonology of the Language of Old Turkic Runic Inscriptions*. St. Petersburg: Saint Petersburg State University. Publ. (In Russ.)
12. Suleimenov, O. 1971. “Silver Script of the Golden Warrior.” *Tekhnika – Molodezhi*, no. 7, pp. 58–59. (In Russ.)
13. Manichkin, N.A., and I.V. Krupko. 2024. “Lessons of the 5th Conference of Writers of Asia and Africa.” In *Audiovisual Plots of Social History and Cultural Memory of Kazakhstani Society (Late 19th — Early 21st Centuries)*, edited by T.T. Dalaeva et al., pp. 201–239. Almaty: Press Co. Publ. (In Russ.)
14. Tursunov, E.D. 2001. *Origins of Turkic Folklore. Korkyt*. Almaty: Daik Press. 167 p. Publ. (In Russ.)
15. Kodar, A. 2002. *Steppe Knowledge: Essays on Culturology*. Astana: Foliant. 208 p. Publ. (In Russ.)
16. Rozenberg, O.O. 1991. “Problems of Buddhist Philosophy.” In *Works on Buddhism*, pp. 6–17, 44–254. Moscow: Nauka. Publ. (In Russ.)
17. Payutto, P.A. 1994. *Dependent Origination: The Buddhist Law of Conditionality*. Bangkok: Buddhadhamma Foundation. Publ.

18. Thompson, R.F. 1984. *Flash of the Spirit: African and Afro-American Art and Philosophy*. New York: Vintage. Publ.
19. Manichkin, N. 2019. “Ainalayin: Deconstruction of Sacrificial Ritual in Kyrgyz Culture.” *BILGAMESH: International Almanac of Cultural and Social Studies*, no. 1, pp. 85–93. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Маничкин Нестор Александрович — кандидат исторических наук, ассоциированный исследователь, Французский институт исследований Центральной Азии, Кыргызская Республика, 720001, г. Бишкек, ул. Н. Исанова, 24. SPIN-код: 5711-0453. Web of Science Researcher ID: V-1669-2019. ORCID: 0000-0001-9308-0094. E-mail: nes.pilawa@gmail.com

Bio note:

Nestor A. Manichkin is a Candidate of Historical Sciences, Associate Researcher, French Institute for Central Asian Studies (IFEAC), 24 N. Isanov St, Bishkek, 720001, Kyrgyz Republic. SPIN-code: 5711-0453. Web of Science Researcher ID: V-1669-2019. ORCID: 0000-0001-9308-0094. E-mail: nes.pilawa@gmail.com